

С. Покровский

Изъ прошлаго Олонецкой духовной семинаріи *).

Въ послѣдней половинѣ августа 1829 г. окончившіе курсъ духовныхъ уѣздныхъ училищъ дѣти священно-церковно-служителей Олонецкой епархіи, назначенные къ поступленію въ семинарію, потяну-

¹⁾ «О монастырѣ епископовъ». Прав. Соборъ. 1863 г., III, 214.

*) Отъ редакціи. Начатое печатаніемъ на страницахъ «Олонецкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» очерки «Изъ прошлаго Олонецкой духовной семинаріи» принадлежатъ перу бывшего ученика семинаріи — современника открытія ея и свидѣтеля первыхъ (съ 1829—1835 гг.) лѣтъ ея жизни, впоследствии преподавателя Вологодской духовной семинаріи статскаго совѣтника *Алексея Николаевича Хермозерскаго*. Впервые очерки были напечатаны въ неофициальной части «Олонецкихъ

лись въ Новгородъ—кто какъ могъ, смотря по средствамъ своихъ родителей и родственниковъ. А таковыя средства были вообще крайне ограничены: напр. нижеподписавшемуся отцу его причетникъ могъ дать только 2 р. 85 коп.; что тогда называлось десять рублей ассигнаціями. На эти деньги я долженъ былъ совершить путь болѣе семисотъ верстъ, имѣть содержаніе, приобретать книги и прочія учебныя принадлежности въ теченіе шѣлаго года; а присылки денегъ вновь не ожидать, такъ какъ ихъ не было и поступленіе значительнымъ количествомъ (напр. 1½ руб.) вдругъ не предвидѣлось до 25 іюля слѣдующаго года; мелкія же полочки утекали на семейныя нужды по дому. Меня поручили попеченію одного изъ С.-Петербургскихъ биржевыхъ артельщиковъ, пріѣзжавшихъ для свиданія съ родными и по другимъ домашнимъ потребностямъ. Артельщики частію шли пѣшкомъ, частію ѣхали на попутныхъ до берега Онежскаго озера; тутъ купили небольшую лодку, помнитса рублей за восемь ассигнаціями, и на ней пустились по большому Онегу къ Вознесенію на устьѣ рѣки Свири. Эта молоденкая удаля могла дурно кончиться отъ поднимающагося вѣтра и волненія, если бы не надежныя руки гребцовъ, понесшихъ лодку по волнамъ какъ перышко къ противоположному берегу подъ вѣтеръ. За то, исполнивъ свои обязанности и избѣгнувъ опасности, они смотрѣли другъ на друга съ глубокимъ уваженіемъ. Слова сидѣвшаго на кормѣ *„молодцы! Не выйдй... славно!“* были повелѣніемъ, одобреніемъ и подкрѣпленіемъ борющихся съ бурей безстрашныхъ плователей. Они слышали на биржѣ рассказы камрадовъ голландскихъ и шведскихъ—и не захотѣли уступить имъ въ отвагѣ. Дальнѣйшее плаваніе по рѣкѣ Свири прошло безъ особыхъ приключеній: ибо по водѣ или по теченію Свирь точно масляный блинъ; но противъ воды Свирь будто лютый зѣбрь. Только однажды лодка наша стала на камень отъ оплошности сидѣвшаго на кормѣ и зазѣвавшагося на хороводы, происходившіе на берегу въ деревнѣ. Тогда двое изъ артельщиковъ, прыгнувъ въ воду, тотчасъ сняли лодку безъ поврежденій. Но одержанная побѣда надъ опасностью придастъ съвериннну задоръ и новую отвагу. Не желая подвергаться остановкамъ и мел-

Губернскихъ Вѣдомостей» за 1897 г. (въ 6—номерѣ) и отчасти за 1898-ой (въ 2-хъ ливарскихъ номерѣхъ); тогда наша парція своего органа еще не имѣла. Въ виду того, что очерки касаются исторіи духовно-учебнаго заведенія, подготовляющаго пастырей Олонецкой епархіи, нынѣ редакция «Олонецкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» вновь печатаетъ очерки на страницахъ епархіальнаго органа желая имъ наибольшей вполнѣ заслуженной извѣстности среди своихъ читателей преимущественно бывающихъ питомцевъ Олонецкой семинаріи—священнослужителей Олонецкой епархіи.

нимъ непріятностямъ плаванія по каналу, артельщики пустились прямо изъ устья Свири по Ладожскому озеру. Утро было ясное, тихое и плаваніе началось удачно. Затѣмъ Господь послалъ товарища т. е. попутный вѣтерокъ; поставили парусъ и насъ понесло быстро... быстро. Но скоро товарищъ сталъ пошаливать и посылать волны въ лодку. Тогда парусъ прочь; принялись за весла... и опять спаслись отъ бѣды благополучно, хотя лодку перекидывало съ волны на волну, такъ что и спокойные прежде сѣльчаки начали суетиться и поспѣшно шлепами отливать воду изъ лодки. Въ Новой-Ладогѣ изъ разговоровъ узналъ я вполнѣ—какой страшной опасности подвергалась лодка наша при входѣ въ Волховъ: ее дважды едва не опрокинуло. Только ловкость пловцовъ, наклонившихся то на тотъ, то на другой край, предотвратила эту бѣду... Что сказали бы теперь? Какъ можно отправлять воспитанника съ такими проводниками?—Законодательствовать и предписывать легче, нежели исполнять мудрую предусмотрительность... человеку безъ средствъ!!! Среди моихъ честныхъ и добрыхъ проводниковъ я не зналъ никакого другого горя, кромѣ этого дважды испытаннаго страха, который въ глазахъ простаго практическаго человека стоитъ не дорого. Мои спутники посмѣялись только надъ моею заячьей натурой и чрезъ полчаса толковать больше не стали.

Въ Новой-Ладогѣ я растался со своимъ попечителемъ, добрымъ Михаиломъ Васильевичемъ, заботившимся обо мнѣ какъ о близкомъ родственникѣ. Онъ пріискать и нанять для меня мѣсто на лодкѣ идущей изъ Ладогои въ Новгородъ. Но здѣсь же встрѣтился я со своимъ бывшимъ товарищемъ по училищу Иванъ Арсѣевскій, прибравшемся также въ Новгородскую семинарію. Съ нимъ остался я въ Ладогѣ ожидать отплытія своего въ Новгородъ. Помнится, 29 августа зашли мы въ церковь; помогли причетнику пѣть... и получили отъ церковнаго старосты гонорарій за свое искусство, принадлежащее не мнѣ, а моему товарищу Арсѣевскому, который предъ тѣмъ былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ въ Петрозаводскѣ. Этотъ гонорарій показали мнѣ средство снискивать пропитаніе на чужой сторонѣ. Плаваніе наше по Волхову шло благополучно. Въ такъ называемыхъ порогахъ пригласили насъ идти по берегу пѣшкомъ верстъ 15, чтобы облегчить лодку и избавить насъ отъ страха. Идти было удобно; берегъ высокій... и рѣка шумящая подъ ногами. Но вдругъ оба мы увидѣли въ рѣкѣ существо черное, помахивающее; и не на шутку сочли оное за дѣдушку водяного, вышедшаго пообсушиться и погрѣться на осеннемъ солнышкѣ. Пошли тропинкой подальшѣ отъ берега... Но вышедъ

ши изъ за кустовъ, увидѣли еще нѣсколько такихъ же дѣдушковъ, ходящихъ по поясъ въ водѣ и останавливающихся по колѣно въ оной у большихъ камней... Тутъ разсмотрѣли мы, что это рыбаки, одѣтые въ кожаные непроницаемые костюмы, и одинъ изъ нихъ въ нашихъ глазахъ вышелъ къ берегу, сѣлъ на камень и сталъ перевязывать подковы на своихъ сапогахъ.

(Продолженіе будетъ).

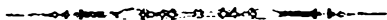
Изъ прошлаго Олонеккой духовной семинаріи *).

Подплывая ко Грузину, хозяинъ лодки далъ намъ предостереженіе—обнажить головы немедленно если увидимъ на берегу или на яхтѣ проживавшаго тутъ графа Аракчеева. Услышавъ это имя, мы съ Арсѣнскимъ присмирѣли и ждали истеричливо—скоро ли минуетъ это страшное мѣсто. Все на лодкѣ молчало, пока ѣхали мимо Грузина. Только отъѣхавъ съ версту, начали говорить въ слухъ:—а потомъ и покрикивать по обычаю.... Берега Волхова становились все ниже и ниже и наводили тоску на душу и безъ того унылую отъ неизвѣстности—какъ жить и учиться въ семинаріи. Впрочемъ товарищъ мой не унывалъ.... у него въ высшемъ отдѣленіи Новгородской семинаріи былъ двоюродный братъ, Гавріиль Семен. Арсѣнскій, который и встрѣтилъ насъ на берегу Волхова у Антоніева монастыря, гдѣ помѣщается семинарія Новгородская. Здѣсь при первомъ шагѣ на берегъ услышали мы извѣстіе, что въ Петрозаводскѣ разрѣшено открыть свою епархіальную семинарію,—и что намъ предстоитъ обратный путь; ибо Преосвященный Пгнатій (Семеновъ), первый Епископъ Олонекскій и Пет-

*) Продолженіе, см. „Олон. Епарх. № 23 Вѣд.“.

розаводскій, настои́тъ на томъ, чтобы всѣ ученики Новгородской и С.-Петербургской семинаріи, по рожденію своему принадлежащіе Олонеккой епархіи, непремѣнно были высланы во вновь открываемую Олонеккую для воспитанія соотвѣтственно духу и потребностямъ Олонеккой епархіи. Трудно сказать, что почувствовали мы тогда при этомъ печальномъ извѣстіи! И страхъ предстоящаго обратнаго странствованія, и исцѣпленіе средствъ къ оному, и наступившее осеннее время холодное и дождливое... и желаніе вернуться поближе къ дому родительскому, и слухъ о помѣщеніи всѣхъ на казенное содержаніе въ Олонеккой семинаріи, равно и о прѣздѣ въ Петрозаводскъ также на казенный счетъ... все это перемѣшалось въ моей головѣ, такъ что приходилось то грустить на чужбинѣ отъ своей безпомощности, то съ дѣтскою радостію смотрѣть на попеченіе начальства о своихъ воспитанникахъ. Но и въ Новгородской семинаріи приняли насъ пришельцевъ очень милостиво: дали помѣщеніе въ казенномъ домѣ и пищу въ семинарской столовой... только послѣ казенно-коштныхъ воспитанниковъ, такъ какъ всѣхъ насъ вдругъ невозможно было помѣстить въ этой необширной столовой. Тамъ обыкновенно столъ накрывали тогда дважды для обѣда и дважды для ужина. Въ Новгородской семинаріи мы уже были зачислены учениками низшаго отдѣленія безъ предварительнаго или вступительнаго испытанія; такъ какъ въ нашемъ Каргопольскомъ училищѣ былъ особый ревизоръ, а Петрозаводское и Олонеккое или Александрo-Смирское училище обозрѣвалъ непосредственно самъ Преосвященный Игнатій. Мы значились въ спискахъ низшаго отдѣленія семинаріи; поэтому насъ заставили ходить въ классъ и слушать уроки. Но знанія уроковъ отъ насъ не требовали. Только преподаватель гражданской исторіи вспылить однажды на эту неисправность, заразительную для другихъ; но дѣло кончилось тѣмъ, что насъ освободили отъ обязанности посѣщать классы и распорядились о скорѣйшемъ отправленіи насъ въ Петрозаводскъ... дня черезъ два или черезъ три. Этимъ временемъ мы пользовались какъ туристы; ходили въ Софійскій соборъ, на Волховскій мостъ, на соборную колокольню.... Другихъ предметовъ достойныхъ вниманія не находило наше дѣтское любопытство въ великомъ нѣкогда господинѣ Новѣ-городѣ. Только въ церкви Антоніева монастыря *камень, зеленая вышка и колоколь* были намъ по силамъ и по вкусу; мы долго останавливались предъ ними, хотя земляки и предостерегали насъ отъ этого, угрожая опасностію прослыть деревенщиной, обыкновенно глядящей на предметы подобнаго рода и рассказы-

вающей объ нихъ съ увлеченіемъ. При всемъ томъ я откровенно сознаюсь, что ни преподаваніе наставниковъ, ни самый концертъ громко-гласно „Свыше пророцы ты предвозвѣстиша“... не оставили во мнѣ такого неизгладимаго впечатлѣнія, какъ этотъ камень—корабль привезшій Св. Антонія Римлянина изъ Італіи въ Новгородъ, зеленая или не потерявшая своего цвѣта вѣточка за стеклами, стоящая подлѣ ея Св. иконы, и висящій предъ нею небольшой колоколь. Эти предметы оставили во мнѣ отрадное вѣрованіе, что по волѣ Вышняго и по молитвамъ человѣческимъ можетъ совершаться въ природѣ кое-что непостижимое и несогласное съ законами физики и химіи, а въ судьбѣ человѣческой—нѣчто неслѣпое.... какъ, напр., безпомощный бѣднякъ неожиданно находитъ средства и къ полуторо-тысячному путешествію и къ своему образованію; это, кажется, тоже своего рода плаваніе на камени по волнамъ перемѣнъ общественныхъ и произволеній человѣческихъ.

Изъ прошлаго Олонецкой духовной семинаріи *).

Помнится, наканунѣ праздника или воскреснаго дня объявили, что завтра отправятъ Олончанъ изъ Новгорода. Вечеромъ совершенно всепопное бѣніе, а на другой день литургія порану и послѣ оной молебное пѣніе предъ мощами прендобнаго Антонія Римлянина ректоромъ семинаріи Іліодоромъ (впослѣдствіи архіеп. Курскій) съ братією обители. При этомъ случаѣ рака была открыта; нарчевый покровъ отодвинуть къ ногамъ... и тутъ въ первый разъ привелось мнѣ увидѣть мирный и безмятежный сонъ праведника, непробудно почивающаго болѣе семисотъ лѣтъ, но мощно охраняющаго свою обитель. Изъ церкви перешли въ залъ Здѣсь ректоромъ семинаріи, бойкимъ, животрепещущимъ ораторомъ, произнесена соответственная рѣчь къ отъѣзжающимъ. На нее отвѣчалъ рѣчью благодарственною воспитанникъ семинаріи, помнится, Чернявскій. Были потомъ рѣчи воспитанниковъ отъѣзжающихъ къ остающимся и наоборотъ. Но всѣ эти рѣчи, обильныя краснорѣчивымъ изліаніемъ чувства и упованій, не оставили во мнѣ опредѣленныхъ впечатлѣній, очевидно, потому что я слишкомъ былъ озадаченъ перемѣнами и неожиданностями, коими началась моя жизнь на своихъ ногахъ, какъ выразился мой отецъ, провожая меня изъ своего дома. Я видѣлъ ясно, что судьба начала играть со мной какъ съ переметной сумочкой и грустно смотрѣлъ на

*) Продолженіе, см. № 24, Олон. Епарх. Вѣд. 1901 г.

все вокругъ себя. А въ такомъ состояніи ухищренная витѣватость скользитъ по дунѣ какъ лучъ солнечный по льду зимой во время мороза. Въ заключеніе ректоръ благословилъ каждое отдѣленіе отправляющейся семинаріи небольшою иконою преп. Антонія Римлянина.

По окончаніи обѣда Олончане перебрались на двѣ большія крытыя лодки, по объѣму неуступающія подубаркамъ. За нами вся Новгородская семинарія высыпала на берегъ провожать отъѣзжающихъ. Бѣганью на лодки и обратно на берегъ,—не было конца. Братскимъ поцѣлуямъ, упрасиваніямъ и обѣщаніямъ писать едва ли можно представить счетъ... развѣ только алгебраическій и поэтическій. Наконецъ лодки двинулись, стоявшіе на берегу пошли нѣшкомъ; забѣгали впередъ и устраивали привѣтъ какой нибудь импровизаціей и нѣніемъ. Съ лодокъ отвѣчали имъ благодарностію и благожеланіями. Такъ шли нѣсколько верстъ до Хутина монастыря, служившаго резиденціей Новгородскаго викарія. Здѣсь большинство провожавшихъ остановилось и, возгласивъ многая лѣта, пошло обратно по берегу. Но нѣкоторыя крѣпко любящія души прошли и частію обошли Хутинъ монастырь въ молчаніи; затѣмъ снова начали и продолжали канты, привѣты и прощанье почти до сумерокъ. Не мудрено это продолжительное прощаніе: тутъ порывались узы многолѣтняго товарищества... все было возбуждено, все было настроено на какой-то особенный лирическій ладъ, переходившій нѣрѣдко въ элегію. Олонеккая семинарія не безъ слезъ отдѣлилась отъ своей матушки-кормиллицы Новгородской... и понеслась внизъ по мутному Волхову.

Вмѣстѣ съ воспитанниками отправлена была часті. бібліотеки, какую оказалось возможнымъ отдѣлеть изъ имѣвшихся дублетовъ; тоже отправлены были дѣла по училищамъ, отошедшимъ къ Олонекской епархіи, и дѣла объ ученикахъ, отправленныхъ въ Петрозаводскъ. Нравы, обычаи, преданія, дисциплина Новгородской семинаріи плыли тутъ живьемъ и внушались намъ, воспитанникамъ низшаго отдѣленія. На лодкахъ господствовала строгая субординація. Властвовали богословы. Философы смотрѣли кандидатами на эту власть. А, мы бѣдная раія—словесники, сидѣли смиренно; тержались крѣпко послушанія; даромъ слова пользовались только съ разрѣшенія высшихъ и старшихъ. Видѣть что нибудь за бортомъ лодки мы не могли; а если и видѣли случайно, то должны были подражать рыбамъ безгласнымъ. Впрочемъ, и говорить было не о чемъ; плаваніе продолжалось безъ особыхъ приключеній; только по Волховскимъ порогамъ понесло насъ столь

быстро, что головы закружились у смотрѣвшихъ на мелькавшіе предметы по берегамъ. Тутъ-то стало мнѣ понятно, отчего рыболовы ходятъ здѣсь на подковахъ:—ибо иначе не устоять противъ напора воды. Понятно стало и то, какъ можно было, помахивая маленькимъ сакомъ, въ одинъ аршинъ понезечника, ловить крупныхъ сига въ между камнями: они, бѣдняжки, не могли справиться съ обикавшею ихъ стихією, быстрымъ теченіемъ тотчасъ забрасывало ихъ въ узкій мѣшокъ сака.—На лодкахъ, не заботясь ни о чемъ, благополучно плыли мы по Волхову, по Сяскому и Сви́рскому каналамъ и по рѣкѣ Свири до пристани Александрo-Свирскаго монастыря. Здѣсь отъ отца архимандрита Амвросія (Морева), по распоряженію свѣице, скоро явились конныя подводы: насъ усадили въ телѣги, по три и по четыре человека въ каждую и повезли черезъ горы Олонецкія. Подъѣзжая къ Олонцу, мы спрашивали у своихъ извозчиковъ: скоро ли пріѣдемъ въ городъ? Намъ отвѣчали, что мы городомъ ѣдемъ. Этотъ городъ состоялъ изъ двухъ—трехъ домовъ по обѣимъ сторонамъ дороги и потомъ черезъ двѣ или три версты опять стояли двѣ—три избы. Немуудрено, что объ Олонцѣ говорили, что онъ изъ конца въ конецъ больше пятинадцати верстъ. На самомъ дѣлѣ городъ занималъ не больше четверти версты и состоялъ не изъ городскихъ, а деревенскихъ построекъ. Въ деревняхъ русскій языкъ понимали только хозяева домовъ; а прочіе, особенно женщины, знали только свой корельскій. Тутъ намъ не было возможности выпросить воды напиться или позволенія погрѣться, не прибѣгая къ пособію корельскаго языка. Тогда товарищи, знавшіе корельскій языкъ, жестоко шутили надъ незнавшими: учили говорить такія фразы, за которыя приходилось выслушивать брань и видѣть угрозы коромысломъ. Въмѣсто *дай воды* научили одного произнести такія корельскія слова, которыя значатъ *покалоти меня*,—и хозяйка дома принялась исполнять его просьбу, думая, что говорившій есть тотъ самый пріѣзжій, который передъ тѣмъ оскорбилъ ее словомъ тоже по своему невѣдѣнію и по наставленію шутниковъ товарищей. По косогорамъ, непригляднымъ лѣсамъ, чрезъ значительныя возвышенія и глубокіе овраги ѣхали мы въ трясучихъ и неудобныхъ телѣгахъ на протяжныхъ, но довольно проворно. Не рѣдко въ сторонѣ между горъ, протягивала вода какъ свѣтлое зеркало. Сколько разъ ни спрашивали у извозника, онъ постоянно отвѣчалъ, что это Янгозеро... и мы перестали спрашивать.

Наконецъ въ довольно холодное утро при сильномъ вѣтрѣ, средѣ шли, невзначай изъ—за пригорковъ и лѣсу, очутились мы не-

редь самымъ Петрозаводскомъ. Тюрьма и стража по обѣмъ сторонамъ дороги озадачили насъ. Караульный заградилъ намъ путь; но скоро смиловался и пропустилъ, когда изъ предъявленныхъ бумагъ сдѣлалось извѣстно званіе въѣзжающихъ въ городъ. Затѣмъ присутственные мѣста произвели довольно выгодное впечатлѣніе и заключеніе о городѣ; а заводъ въ оврагѣ со своимъ дымомъ, стукомъ и визгомъ, тогда случившимся, показался намъ усиленнымъ грѣшниковъ. Конецъ странствованія, какъ видите, пріободрилъ насъ и мы начали шутить и острить надъ встречающимися предметами.

Послѣ кратковременнаго отдыха на постояломъ дворѣ насъ повели къ Пресвященному Игнатію, который встрѣтилъ насъ архипастырскимъ благословеніемъ, лобзаніемъ и привѣтливымъ разговоромъ. Пріѣхавшихъ воспитанниковъ высшаго и отчасти средняго отдѣленія онъ знаетъ лично, потому что не задолго предъ тѣмъ былъ ректоромъ Новгородской семинаріи. Съ ними разговоръ владыки былъ коротокъ и ласковъ. А насъ риториковъ или словесниковъ онъ спрашивалъ подробно о мѣстѣ рожденія и воспитанія, о родителяхъ и родственникахъ и осматривалъ насъ весьма внимательно какъ самый попечительный отецъ, заботясь о нашемъ здоровьѣ, изнуренномъ перѣздами. О сохраненіи здоровья мы тогда мало думали; а старались только поскорѣе добраться до мѣста назначенія. Тутъ же владыка поручилъ насъ надзору инспектора семинаріи іеромонаха Варлаама, который былъ мнѣ извѣстенъ, такъ какъ въ іюль того же 1829 года онъ ревизовалъ наше Каргопольское духовное училище и тогда обратилъ на меня самое милостивое и благосклонное вниманіе.

(Продолженіе будетъ).

Изъ прошлаго Олонеккой духовной семинаріи *).

Владыка указалъ намъ жить въ деревянномъ зданіи; однимъ небольшимъ садикомъ отдѣлялось оно отъ помѣщеній его самого.— Поэтому въ часы досуга и прегулокъ по сему садику нерѣдко заходилъ къ намъ. Тутъ онъ тщательно наблюдалъ за чистотой и порядкомъ въ нашихъ помѣщеніяхъ и разспрашивалъ о предшество-

*) Дѣло Смол. Епарх. жеп. уч. за 1867 г.

*) Продолженіе, см. № 1 „Олон. Епарх. Вѣд.“ 1902 г.

вавшихъ странствованіяхъ. Такъ напр., однажды вечеромъ, увидавъ своего бывшаго пѣвчаго, вышеупомянутаго Ив. Арсѣинскаго, спросилъ его: „гдѣ онъ побывалъ и что видѣлъ въ Новгородѣ“. Арсѣинскій отвѣчалъ, что былъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и видѣлъ тамъ св. мощи. „А какія, напр.? спросилъ Преосвященный. Видѣлъ мощи: Софіи Премудрости Божіей“, отвѣчалъ растерявшійся Арсѣинскій. „Ну, братъ, ты не долго жилъ, да больше моего видѣлъ, замѣтилъ Преосвященный. Я долго жилъ въ Новгородѣ и часто бывалъ въ тамошнемъ Софійскомъ соборѣ; но такихъ мощей тамъ не видалъ.. Ты больше моего видѣлъ“, промолвилъ Преосвященный и засмѣялся громко; чего никогда не допускалъ въ своихъ разговорахъ съ подчиненными. Въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ былъ всегда невозмутимо спокоенъ и важенъ; устремлялъ свой строгій взглядъ на предстоящаго и приводилъ его въ невольное смущеніе, какъ это и случилось тутъ съ Арсѣинскимъ. Но выходъ Владыки, когда прошли первые порывы смѣха, мы стали спрашивать Арсѣинскаго: отчего онъ сказалъ такую нелѣзность! «Да я самъ не понималъ, что говорилъ, отвѣчалъ Арсѣинскій. Соборъ называется Софійскимъ, очевидно, по имени главнаго лица въ немъ воспѣваемого и прославляемаго. Такъ и надобно было, по моему соображенію, сказать имя этого главнаго лица, а потомъ уже имена другихъ... Да и былъ то я въ соборѣ однажды и недолго; видѣлъ, что мощей тамъ очень много; останавливаться предъ ними и читать надписанія не удалось. Потому я и сказалъ на-угадъ“. Мы думали, что Ив. Арсѣинскій пропалъ во мнѣніи Владыки. Но обманулись: Преосвященный Игнатій оцѣнилъ дѣтскую откровенность и торопливость Арсѣинскаго и смотрѣлъ на него благосклонно въ теченіе всего курса. При этихъ своихъ посѣщеніяхъ Преосвященный указывалъ и занятія: Богословамъ назначалъ проповѣди; Философамъ—разсужденія; а насъ—Ритористовъ побуждалъ читать книги такъ, чтобъ мы могли разсказать прочитанное Инспектору Варлааму, который опредѣленъ былъ наставникомъ словесности и состоялъ на лицѣ одинъ изъ всѣхъ наставниковъ и начальниковъ семинаріи.

Но скоро стали сбѣзжаться и наставники: изъ нихъ Доримедонтъ Васильевичъ Соколовъ своимъ ростомъ и умнымъ взглядомъ привлекалъ вниманіе всѣхъ воспитанниковъ; а мы Ритористы, пристально всматривались въ подвижную фізіономію Александра Олсимиовича Ласточкина, назначеннаго преподавателемъ Всеобщей Гражданской

Исторіи, такъ какъ имъ страдали насъ Богословы. Вскорѣ прибылъ и Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Аполлинарій (Вишнянскій), бывшій впоследствии Викаріемъ въ Кіевѣ. На скорую руку передѣланы были помѣщенія въ домѣ Петрозаводскихъ дух. училищъ, стоявшемъ на берегу у купеческой пристани. Квартіровавшихъ въ немъ учителей и другихъ чиновъ попросили очистить квартиры... и затѣмъ вскорѣ приступлено было къ открытію Семинаріи, такъ что еще не успѣла улечься пыль отъ выломанныхъ переборокъ и другихъ деревянныхъ сооружений въ домѣ училищномъ. Изъ собора пошелъ крестный ходъ; за нимъ воспитанники по два въ рядъ; въ домѣ отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ. По окончаніи Богослуженія, когда присутствовавшіе заняли свои мѣста, прочитаны были распоряженія начальства объ открытіи Олонецкой духовной семинаріи въ Петрозаводскѣ,—о назначеніи начальниковъ и наставниковъ оной;—объ ассигнованіи суммъ на ежегодное содержаніе оной и одновременно на постройку для нее зданій на мѣстѣ по избранію Преосвященнаго Игнатія и по сношенію съ мѣстнымъ городовымъ начальствомъ; каковое мѣсто и отведено было года черезъ два за городомъ на возвышеніи по лѣвую сторону Петербургской дороги при вѣздѣ въ Петрозаводскъ. Между тѣмъ, черезъ годъ построили прежній училищный домъ, такъ что съ удобствомъ въ верхнемъ этажѣ помѣстили три класса семинаріи, правленіе съ канцеляріей, квартиру Ректора, къ коей принадлежалъ и залъ собраний, гдѣ производили испытанія учениковъ; а въ нижнемъ этажѣ помѣщена квартира Инспектора, больница и классы Петрозаводскихъ духовныхъ училищъ.

Открытіе семинаріи происходило въ присутствіи начальника Олонецкой губерніи и прочихъ властей;—между коими привлекалъ особенное наше вниманіе небольшой человекъ въ ботфортахъ, утопавшій въ шптомъ высококомъ воротникѣ своего мундира: это былъ Федоръ Николаевичъ Глинка, состоявшій тогда на службѣ въ Петрозаводскѣ. Въ произнесенныхъ по этому случаю рѣчахъ объяснено было благодѣяніе, оказанное сѣверному краю учрежденіемъ семинаріи и подробно изложены обязанности учащихъся—вести себя скромно и учиться изъ всѣхъ силъ. Заключительное слово принадлежало Преосвященному Игнатію, который затѣмъ благословилъ каждого воспитанника книгою, какую подавать ему Ректоръ изъ числа собранныхъ на скорую руку. Тутъ же объявлено было, что всѣ воспитанники семинаріи принимаются на казенное содержаніе, ибо наличное число

ихъ было менѣе количества полныхъ и полуказенныхъ вакансій, положенныхъ по штату Олонейской семинаріи.

На другой день правленіе семинаріи начало свои хлопоты о помѣщеніи и содержаніи воспитанниковъ; ибо временное наше помѣщеніе при домѣ Преосвященнаго было тѣсно и его кадобно было очистить для помѣщенія въ немъ пѣвчихъ. А мы стали учиться и торопливо готовиться къ скорому экзамену предъ праздникомъ Рождества Христова. Богословіе преподавалъ Ректоръ семинаріи архим. Аполлinary; Церковную Исторію и Еврейскій языкъ—Павель Ѳедоровичъ Солярскій *), бывшій впоследствии священникомъ при университетской церкви въ С.-Петербургѣ; Философію—Доримедонтъ Васильевичъ Соколовъ; Математику и Французскій языкъ—профессоръ Смирновъ, онъ же и секретарь правленія; Словесность и Греческій языкъ—Инспекторъ семинаріи Варлаамъ; Всеобщую Гражданскую Исторію и Нѣмекій языкъ—Ласточкинъ. Но этотъ составъ преподавателей скоро измѣнился. Соколовъ черезъ годъ перемѣстился въ другую семинарію; Смирновъ скоро захворалъ и умеръ; на мѣста ихъ преподавателемъ Философіи назначенъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ, преподавателемъ Математики Ѳедоръ Степановичъ Рождественскій, бывшій впоследствии протоіереемъ мѣстнаго кафедральнаго собора; а секретаремъ правленія опредѣленъ Александръ Описимовичъ Ласточкинъ.

Словесность преподавали намъ по Бусрію на латинскомъ языкѣ и предположенной пѣли образованія словеснаго старались достигнуть не столько теоріей, сколько упражненіями. Посему каждую недѣлю назначали намъ по одному, а иногда и по два письменныхъ упражненія на домъ; кромѣ того каждую недѣлю экспромпты въ классѣ—это было по понедѣльникамъ послѣ обѣда. А когда проходили главу о періодахъ: тогда письменныя упражненія назначались ежедневно; кромѣ того требовалось составить изучаемые періоды изъ какого нибудь предложенія для устнаго отвѣта. Дня черезъ два или черезъ три письменныя упражненія были возвращаемы въ исправленіемъ видѣ и горе тому ученику, который не пользовался этими исправленіями и замѣчаніями, т. е. допускалъ въ послѣдующихъ упражненіяхъ тѣ же ошибки, которыя были у него исправлены въ предшествовавшихъ. Уроки Словесности излагались на латинскомъ языкѣ,

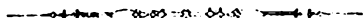
*) Авторъ вѣдѣнаго учебника по нравственному Богословію.

на экзаментъ отвѣчать на возраженія надобно было тѣмъ же языкомъ; иначе сейчасъ слышалось отъ предсѣдательствующаго строгое повелѣніе: *classico sermone*. Но упражненія почти всѣ писали мы на Русскомъ языкѣ: только одну, помнится, послѣднюю «ораторскую» рѣчь написалъ я на Латинскомъ языкѣ и получилъ отмѣтку или подписку *praestantissime*. Вообще, отъ безпрерывнаго употребленія писали мы на Латинскомъ языкѣ изящнѣе, нежели на Русскомъ. Ибо этотъ древній языкъ былъ у насъ предъ глазами въ книгахъ, въ его празлинномъ или парадномъ облаченіи, тогда какъ Русскій мы знали болѣе въ деревенскомъ его непріязкательномъ костюмѣ. Книги русскія—особенно новыя, составляли для насъ чрезвычайную рѣдкость и читались съ какимъ-то непснѣтымъ теперь благоговѣніемъ и подобострастіемъ. Что напечатано, то считается непрекаемо вѣрнымъ.—*Гражданскую Исторію* учили мы, помнится, по Шрекку, и то по выпискамъ; потому что печатныхъ экземпляровъ не было. Древняя Исторія пройдена была въ хронологическомъ порядкѣ: а средняя и новая—небольшими отрывками или маленькими эпизодами. Изъ Русской Исторіи учили мы только о Рюрикѣ, Святославѣ, св. Владимірѣ, Димитріѣ Донскомъ и частію о Петрѣ I и Екатеринѣ II. Все время въ классѣ употреблялось на спрашиваніе уроковъ; только изрѣдка почтывалась какая-то нераженая исторія, помнится, аббата Милотта. Два урока *Греческаго языка* въ недѣлю, общіе для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, были отдыхомъ для насъ; переводили по четыре и болѣе листовъ изъ учебной книжки въ теченіе урока: отвѣтъ каждаго ученика равнялся страницѣ или по крайней мѣрѣ полустраницѣ переводимаго текста изъ учебной книжки. Особенно заботились о выговкѣ выраженій и оборотовъ рѣчи по формамъ переводнаго текста. По временамъ, гдѣ нужно, требовалось объясненіе содержанія и риторическаго состава рѣчи; но потребовать грамматическаго разбора значило унижить отвѣчающаго,—значило показать, что онъ училищный мальчикъ, а не воспитанникъ семинаріи. *Экзамены* происходили въ залѣ, принадлежавшей ректорской квартирѣ. Въ этотъ залъ собиралась вся семинарія. Испытываемое отдѣленіе садилось противъ стола испытателей или на средній зала, по сторонамъ—остальныя два отдѣленія и писали экзаменскія сочиненія, для конхъ предложенія давалъ по пріѣздѣ Преосвященный самъ. Если же не было задачи, то сидѣли и слушали... И дѣйствительно, было чего послушать: тутъ обильною рѣкою лились научныя свѣдѣнія; тутъ развивалась и блистательно проявлялась ловкость и изворотливость разсудка и во-

прошающаго и отвѣчающаго. Ибо экзамены вообще были оживлены состязаніями или диспутами, которыя начиналъ и поддерживал преимущественно владыка Игнатій, присутствовавшій на каждомъ экзаменѣ непременно. Онъ своими обильными или лучше сказать непрерывными возраженіями часто ставилъ въ неловкое положеніе не только ученика, но и преподавателя; такъ что служить при немъ въ семинаріи было нелегко и не всякому удобно. Самъ онъ не учился въ Академіи, но вытребованный въ сотрудники по изданію Христіанскаго Чтенія, сдѣлавшійся потомъ Баккалавромъ С.-Петербургской духовной академіи и бывшій нѣсколько лѣтъ Ректоромъ Новгородской семинаріи, имѣвшей по тогдашнему лучшую бібліотеку, Пресвященныи Игнатій прѣчиталъ и зналъ весьма многое, ибо имѣлъ необыкновенно твердую память. Диспуты велъ онъ искусно, потому что имѣлъ быстрое соображеніе и ловко пользовался оплошностями противника. Вообще онъ разливалъ на экзаменахъ самыя обширныя и разнообразныя свѣдѣнія по всѣмъ наукамъ, кромѣ математики, на которую смотрѣлъ глазами отцовъ Сирійскаго собора, хотя и любилъ слушать соображенія, вычисленія и геометрическія положенія. На экзаменахъ онъ нѣрѣдко академикамъ давалъ чувствовать превосходство своей начитанности предъ слушаніемъ академическихъ курсовъ отчасти, можетъ быть, и въ заштиту покровительства самаго имъ инспектора Варлаама, который также не былъ въ Академіи.—Какъ читалась *Философія* въ первый курсъ по открытіи семинаріи, о томъ я не знаю. Но во второй курсъ при моемъ поступленіи въ среднее отдѣленіе Яковъ Ильичъ Владыкинъ читалъ ее по Баумейстеру и требовалъ отчетливаго разумѣнія намѣченныхъ тамъ положеній (*positions*); назначалъ нѣкоторые изъ нихъ для письменныхъ работъ на вечеръ, раздѣлялъ сіи положенія между способнѣйшими учениками, и въ слѣдующій день прослушивалъ эти сочиненія въ классѣ, заставляя читать самаго составителя или писателя. Если сочиненіе выходило удовлетворительно, то приказывалъ переписать и подать ему, указывая притомъ подлежащее исправленію и требовавшее улучшенія. Въ противномъ случаѣ сочиненіе оставалось въ черниакѣ. Этотъ приемъ преподаванія сильно будилъ соревнованіе, поддерживалъ энергію разсудка и развивалъ сообразительность, такъ что мы на экзаменахъ могли отвѣчать на всякій случайный вопросъ, сколько онъ былъ затрагиваемъ въ упомянутыхъ положеніяхъ Баумейстера. Последней части его системы *de Politica* намъ не читалъ и вообще далѣе предѣловъ, начертанныхъ этимъ класси-

комъ наши философскія созерцанія и изслѣдованія не простирались, потому что Пресвященникъ Игнатій довольно подозрительно относился къ тенденціямъ этой науки. Не смотря на то, прослыть вольнодумцемъ-философомъ ¹⁾ между воспитанниками семинаріи было тогда весьма лестно. Это значило стать человекомъ гениальнымъ въ глазахъ товарищей.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Быть вольнодумцемъ тогда—значило уметь сказать и доказать что нибудь не такъ, какъ это изложено въ урокахъ, также показать слабую сторону нѣкоторыхъ научныхъ положеній. Далеко научныхъ положеній наши стремленія не простирались. Это были ученыя диспуты. *Лит.*

²⁾ Продолженіе. См. № 1 «Олон. Епарх. Вѣд».

Изъ прошлаго Олонеккой духовной семинаріи *).

Математики надолго осталась въ плачевномъ состояніи по смерти профессора Смирнова. Алгебру читалъ намъ сначала одинъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, а потомъ и неокончившіе курса воспитанники высшаго отдѣленія по очереди до прибытія вновь назначеннаго профессора Рождественскаго. Но и съ прибытіемъ сего послѣдняго дѣло немного измѣнилось къ лучшему. Рождественскій въ Академіи не слушалъ Математики и былъ назначенъ преподавателемъ оной по господствовавшему тогда правилу назначать слушающихъ въ Академіи всеобщую исторію гражданскую преподавателями математики и наоборотъ, дабы воспитанниковъ Академіи поставить въ необходимость знать обѣ эти науки. Результатомъ такого преподаванія математики было то, что ревизовавшій Олонеккую семинарію въ

*) Продолженіе, см. № 2 „Олон. Епарх. Вѣд.“ 1902 г.

іюль 1833 года инспекторъ С.-Петербургской Духовной Академіи Платонъ въ отчетѣ своемъ уподобилъ насъ мухамъ, бродящимъ по математической доскѣ. Въ самомъ дѣлѣ изъ средняго отдѣленія вышли мы безъ достаточнаго разумѣнія алгебры и геометріи. А изъ физики прочитали намъ кое-что по Фуссу и уроки закончили фразой „остатки отъ броженія“, выполнѣ соотвѣтствовавшей нашимъ познаніямъ въ оной... но не по нашей винѣ. Взглядъ черезъ-чуръ опасливый парализировать всѣ науки.—Владыка Игнатій посѣщать семинарію не однажды въ мѣсяцъ и былъ въ ней полнымъ хозяиномъ; онъ зналъ все и всѣхъ; учениковъ высшаго отдѣленія нерѣдко называлъ по имени и отчеству; а черезъ годъ узнавалъ также хорошо и обучавшихся въ нашемъ отдѣленіи. Въ своей обширной епархіи онъ зналъ почти всѣхъ священно-служителей и нерѣдко чрезъ ихъ дѣтей, обучавшихся въ семинаріи, посылать имъ словесныя предостереженія и распоряженія.

Въ высшемъ отдѣленіи *Богословіе* Фундаментальное, какъ его тогда называли, стали излагать намъ съ требованіемъ такихъ обширныхъ историческихъ, археологическихъ и философскихъ свѣдѣній, къ коимъ были мы мало приготовлены. Къ счастью эти свѣдѣнія были изложены въ урокахъ или запискахъ только по своему или съ особой точности зрѣнія. Записки эти были составлены, какъ говорили, самимъ Преосвященнымъ Игнатіемъ, въ бытность его ректоромъ Новгородской семинаріи, и даны Аполлинарію по секрету въ руководство. Дѣло преподаванія Богословскихъ наукъ съ нашимъ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе началось чрезвычайно счастливо для насъ. Владыка былъ нами особенно доволенъ, принимать почти непосредственное участіе въ нашемъ обученіи и поручилъ ректору Аполлинарію присылать къ нему въ воскресные дни послѣ обѣдни особенно отличавшагося успѣхами воспитанника высшаго отдѣленія для Архимастырскаго благословенія просфорою. Но лишь только это благосклонное вниманіе стало произволить благотворное вліяніе на учениковъ,—вдругъ нечаянно все перевернулось.

Бывшій предъ тѣмъ, какъ сказано, ревизоромъ Олонецкой семинаріи инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Платонъ проѣздомъ въ Петрозаводскъ былъ въ Свирскомъ монастырѣ у тамовняго настоятеля и смотрителя мѣстныхъ духовныхъ училищъ архимандрита Амвросія и услышалъ отъ него слезную жалобу на инспектора семинаріи іеромонаха Варлаама и секретаря семинарскаго правленія Ласточкина, славившихъ къ нему прелπισанія придирчивыя и обид-

ныя. Эти предписанія были показаны ревизору и оказались дѣйствительно черезъ-чуръ строгими. Инспекторъ Варлаамъ былъ членомъ консисторіи и отсюда также надѣдалъ Амвросію, любившему вообще спокойную жизнь лишь въ своей тинѣ. По прибитіи въ Петрозаводскъ ревизоръ обратилъ строгое вниманіе на виновныхъ. Но секретарь Ласточкинъ успѣлъ прикрыться вліяніемъ или распоряженіями всемогущаго инспектора и вся вина такимъ образомъ легла на бѣднаго семинариста Варлаама. Испытанія по словесности произведены самыя строгія; ревизія нравственной части по семинаріи сдѣлана самая точная, такъ что ревизоръ ѣздилъ по ученическимъ квартирамъ, осматривалъ и распрашивалъ вездѣ обо всемъ, касавшемся надзора за воспитанниками. Но ничто не могло помрачить благоразумныхъ распоряженій и неунынныхъ трудовъ этого добросовѣстнаго, честнаго и усерднаго служакки. Но надобно же было удалить человека, подававшаго поводъ къ несогласіямъ. Для этого дѣлу оставленъ его надлежащій колоритъ: по отчету ревизора Варлаамъ оказался искуснѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ инспекторовъ семинарій... и его перемѣстили въ Вятку для поправленія нравственности воспитанниковъ тамбовской семинаріи. Горько всплакалъ Варлаамъ, нечаянно вырванный изъ подъ отеческаго крова Преосвященнаго Игнагія. Вышеупомянутое распоряженіе Комиссіи духовныхъ училищъ о перемѣщеніи Варлаама пришло въ Петрозаводскъ, помнится, въ началѣ октября. Тогда въ Олонецкой семинаріи вдругъ все перевернулось. На ректора оной Аполлинарія опрокинулась такая чаша нравственныхъ помоевъ, какой никогда не подвергался Сократъ отъ своей смиренномудрой Ксантиппы. Благосклонныя отношенія къ воспитанникамъ высшаго отдѣленія вдругъ замѣнились порицаніями и обидными выговорами. Игнатій оказался тутъ вполне сѣверяниномъ вспыльчивымъ, бурнымъ и неудержимымъ, какъ сильныя вѣтры и мятели на необъятномъ Онежскомъ озерѣ. Аполлинарій поставленъ чуть не ниже соборнаго пономаря: все онъ дѣлалъ неладно, за все слышалъ выговоры часто при постороннихъ, даже въ соборѣ во время Богослуженія. Небогатый дарованіями и познаніями онъ растерялся совершенно и не смѣлъ сказать живого слова въ объясненіе уроковъ; ученики сами при немъ переводили въ классѣ уроки съ латинскаго языка на русскій; приискивали или подбирали тексты изъ Библіи и объясняли оные, кто какъ могъ, по его востребованію. Конечно, онъ не упускалъ ни одной минуты и входилъ въ классъ при звукахъ звонка, но чѣмъ наполнялъ двухъ-часовое время урока? По дѣйствовавшимъ тогда постановленіямъ поло-

жево было предъ урокомъ прочитывать одну или двѣ главы изъ Библіи. На семъ основаніи Аполлинарій приказалъ воспитанникамъ по очереди готовиться къ толковому чтенію Слова Божія съ потребнымъ истолкованіемъ, выбирая нужныя объясненія изъ Златоуста и другихъ древнихъ толкователей, которые одни только и были въ библіотекѣ Олонецкой семинаріи; потому что сія библіотека составила первоначально изъ такихъ книгъ, которыя удѣлены были другими семинаріями, какъ лишнія или ненужныя. Не возбранялось также и другимъ воспитанникамъ, кромѣ череднаго, излагать свои соображенія и толкованія. Эта работа продолжалась часто не меньше часа. Затѣмъ начиналось спрашиваніе урока, который, мимоходомъ сказать, нерѣдко изучивался во время вышепомянутаго толкованія Библіи... и горе было отвѣчающему не твердо: на него лились укоризны въ дармовѣствѣ. Вообще, кажется, его копировалъ Крыловъ, когда писалъ даже волю словъ теченью, не находилъ конна нравоученью*. Но что же выходило? Слушавшій безконечное вразумленіе только и удерживалъ въ своей памяти Тита и его большую ложку, о чемъ любилъ говорить Аполлинарій. Оставшееся отъ спрашиванія уроковъ время до языка употреблялось, какъ сказано, на переводъ урока къ слѣдующему классу и объясненіе оного самими учениками. При такомъ преподаваніи безъ достаточныхъ учебныхъ пособій, конечно, не могли приобѣтять наши богословскія познанія.

(Продолженіе будетъ).

Изъ прошлаго Олонецкой духовной семинаріи *).

Преподаватель *Церковной Исторіи* Солярскій скоро уѣхалъ отъ насъ; вновь назначенный наставникъ Иванъ Алексѣевичъ Виноградовъ сдѣланъ секретаремъ семинарскаго правленія и скоро подвергся нерасположенію Преосвященнаго по дѣламъ правленія, съ коими онъ являлся ко владыкѣ. Такимъ образомъ все у насъ распаталось.

Мы очутились среди Волховскихъ пороговъ въ непромыкаемыхъ костюмахъ, безъ подковъ на ногахъ и саки наши часто оставались безъ полезной ловитвы. Мы едва держались около камней. Но уже не стало у насъ красугольного камня защитника,—не стало строгаго, но справедливаго Варлаама.

Прибывшій на мѣсто его новый инспекторъ семинаріи іеромонахъ Вассіанъ (Чудновскій) оказался плохимъ для насъ защитникомъ. Крайне добрый, кроткій и довѣрчивый, къ тому же тугонкій на ухо и недослышанное допоялывшій своими соображеніями и предположеніями, Вассіанъ не пользовался довѣріемъ Преосвященнаго. Онъ откровенно говорилъ владыкѣ все, что видѣлъ и слышалъ, и тѣмъ еще больше раздражалъ его противъ Аполлинарія, который возбудилъ въ жителей Петрозаводска искреннее соболѣзнованіе какъ человѣкъ прекрасной жизни, несправедливо обиженный и угнетенный. Декабрьскія испытанія прошли кое-какъ среди страшной грозы, особенно для задумавшихъ не приглашать владыки. А отъ июльскихъ испытаній 1834 года Аполлинарій прикрывался болѣзнію и затѣмъ скоро уѣхалъ изъ Петрозаводска, кажется, въ ту же семинарію, изъ которой перемѣщенъ былъ въ Олонецкую.

*) Продолженіе, см. № 3 „Олон. Епарх. Вѣд.“ 1902 г.

На мѣсто Аноллинарія пріѣхалъ Гесеонъ и сталъ предъ нами отраднымъ и благотворнымъ свѣтиломъ, озарившимъ и оживившимъ наши унылыя души. Намъ привелось послушать его только полгода, но и въ это краткое время мы значительно пополнили свои богословскія свѣдѣнія, а главное—осмыслили и составили нѣчто цѣлое изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній и воззрѣній, которыя удалось намъ слышать и читать прежде. Прочитавъ первые журналы семинарскаго правленія по вступленіи Гесеона въ должность ректора, Пгнатій сказалъ случившемуся тутъ секретарю консисторіи старою поговоркою: «да, и этотъ Гесеонъ стоитъ миллионъ; а Аноллинарій отданъ за динарій». Но и этотъ прекрасный человекъ, превосходнѣйшій преподаватель, благоразумный и любимый начальникъ не могъ ужиться въ Петрозаводскѣ. Возбужденная въ Пгнатіѣ недовѣрчивость и притязательность еще не улеглась.

Но это происходило уже послѣ моего выѣзда изъ семинаріи. А теперь *audiat et altera pars* нашей семинарскаго жизни. По открытіи семинаріи насъ скоро размѣстили по квартирамъ у мѣстныхъ обывателей отъ десяти до пятнадцати учениковъ на каждую. Имѣвшій удобное помѣщеніе, совершенно отдѣленное отъ комнатъ, занимаемыхъ его семействомъ, заключать контрактъ съ семинарскимъ правленіемъ и обязывался довольствоватъ извѣстное число воспитанниковъ квартирою, столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, банею, чистеніемъ или стиркою бѣлья и наблюденіемъ чистоты въ комнатахъ. За все это получалъ онъ сначала, кажется, по двѣнадцати рублей тогдашнихъ съ воспитанника въ мѣсяцъ; а потомъ, когда обыватели Петрозаводска прсмотрѣлись къ дѣлу и увидѣлась конкуренція, то плата за содержаніе установилась болѣе умеренная, едва не вдвое меньшая. Прочее все, т. е. обувь, одежда, бѣлье, постельныя принадлежности и мебель были казенныя. Помѣщенія вообще были хороши; переходы съ квартиръ въ семинарію и обратно только въ зимніе морозы и мятели были затруднительны а въ хорошую погоду служили полезною прогулкою. Впрочемъ, квартиры были близко, а нѣкоторыя даже подлѣ семинаріи. На каждую квартиру назначался одинъ старшій изъ лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія; а старшій самъ избиралъ себѣ цензоромъ лучшаго изъ учениковъ, помѣщенныхъ на квартирѣ. Вообще наблюдалось, что сн органы власти пользовались полнымъ уваженіемъ отъ своихъ подчиненныхъ и могли имѣть благотворное нравственное вліяніе на нихъ послѣднихъ. Обязанностію старшаго было наблюдать за своевременнымъ хожденіемъ учениковъ въ классъ и въ церковь

также въ охраненіи порядка и тишины во время учебныхъ занятій. Онъ былъ посредникомъ между инспекторомъ и учениками. Старшій велъ журналъ, въ коемъ ежедневно отмѣчать—всѣ ли ученики ходили въ классы; а если это былъ день воскресный или праздничный, то всѣ ли были въ церкви при Богослуженіи и какъ вели себя; каждое отсутствіе отъ установленнаго порядка вносилось въ сей журналъ съ надлежащею подробностію. Съ такимъ журналомъ старшій ежедневно являлся къ инспектору послѣ ужина, начинавшагося обыкновенно въ восемь часовъ вечера. Ученики обязаны были подчиняться указаніямъ и требованіямъ старшаго; онъ имѣлъ право дѣлать имъ замѣчанія и внушенія. Ослушаніе, оказанное старшему, немедленно и строго наказывалось. При входѣ старшаго даже посторонней квартиры всѣ ученики вставали со своихъ мѣстъ и не смѣли садиться безъ его приглашенія. Вообще изъ Новгородской семинаріи, какъ сказано выше, перенесена была въ Олонекію строгая субординація ученикамъ высшаго отдѣленія. Ученики средняго отдѣленія въ свою очередь пользовались почетомъ среди учениковъ низшаго отдѣленія. Эта субординація вполнѣ охраняла внѣшній порядокъ между учениками, потому что основана была на самыхъ древнихъ преданіяхъ, а не на педагогическихъ соображеніяхъ. Но справедливость требуетъ сказать, что отъ оной чувство нравственное, чувство правды и искренняго послушанія закону мало выигрывало. Отъ ней укрѣплялась, конечно, привычка соблюдать формальность, но и развивалась ловкость обходить сущность закона и установленнаго правила, если сіи послѣдніе не согласовались съ нашими склонностями.

(Окончаніе дѣлеть).

Изъ прошлаго Олонецкой духовной семинаріи *).

Были еще тогда, такъ называемые, дежурные старшіе. Они доносили ректору о состояніи и о всѣхъ перемѣнахъ семинаріи. Они объявляли распоряженія его ученикамъ, наставникамъ и даже инспектору семинаріи. Смѣнялись они каждую недѣлю и пользовались преимущественнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ нерѣдко до подобострастія.

Прогулка по городу въ воскресные и праздничные дни разрѣшалась инспекторомъ невозбранно, по заніямъ въ особой тетради, до

*) Означенію. См. № 5 «Олон. Еп. рх. Вѣд.».

четырехъ часовъ вечера. Обыкновенно мѣстомъ прогулки была набережная: съ ней проходили по площади, отдѣлившей солдатскую слободу отъ города, вокругъ завода и по берегу Лососинки къ семинаріи. Этотъ кругъ составлялъ наилучшую и большую прогулку. А малыми прогулками служили путешествія съ одной квартиры на другую къ товарищамъ и знакомымъ. Не смотря на строгую субординацію, между воспитанниками высшаго и средняго отдѣленія была взаимная любовь и искреннее уваженіе. Богословы, празднуя 8 мая свой праздникъ, позвали насъ философовъ къ себѣ на чай. Въ свою очередь мы—философы испросили у ректора разрѣшеніе праздновать 1-е іюня *) и угощали богослововъ. Но это разрѣшеніе дано было однажды и не повторилось потомъ, какъ незаслужившее одобренія отъ Владыки. Вообще намъ жить въ семинаріи было хорошо. Насъ помнили, кормили, одѣвали, обували и помѣщали лучше, нежели могли это доставлять намъ наши родители и родственники.

За то и требовали отъ насъ самаго точнаго исполненія порядка. Въ классы мы собирались задолго до звонка. Помню, какъ однажды одинъ изъ учениковъ низшаго отдѣленія шелъ уже по семинарскому двору въ то время, какъ раздавался звонокъ въ верхнемъ этажѣ; а тутъ какъ изъ земли выросъ предъ нимъ преосвященный Платій (онъ всегда приходилъ пѣшкомъ въ семинарію; только на экзамены прїѣзжалъ зимой въ возкѣ, а лѣтомъ въ коляскѣ)... да и принять его такъ, что бѣдный растерявшійся ученикъ не знаетъ, куда дѣваться отъ размаховъ архипастырскаго жезла. Онушеніе классовъ было немыслимо, ибо старшій уходилъ послѣ всѣхъ и запереть квартиру: при томъ насъ было немного и всѣ мы были на-перечетъ въ глазахъ инспектора, наблюдавшаго за нашимъ приходомъ въ классъ и выходомъ изъ онаго. Также и къ Богослуженію являлись мы всѣ: предварительно собирались въ семинарію, а оттуда шли въ соборъ по два въ рядъ подъ надзоромъ инспектора. Только къ утреннему Богослуженію зимой дозволялось намъ приходиться прямо съ квартиръ въ церковь. Въ первые два года по открытіи семинаріи становились мы у лѣваго клироса, а богословы—на возвышеніи для исаомщика, рядомъ съ матушкой Его Преосвященства. А потомъ приказано становиться на правой сторонѣ противъ архіерейской кафедры на виду Его Преосвященства. Не легко было для насъ тогдашнее продолжительное Богослуженіе, на страстной недѣлѣ почти безвыходное изъ церкви. Ибо тогда въ четыре часа начиналась утренняя и продолжалась до 6½ часовъ

*) Когда празднуется память св. Іустина Философа.

утра; съ восьми, а иногда и съ семи часовъ начинались часы и чтеніе Евангелій всегда самимъ Преосвященнымъ, совершавшимъ и литургію, которая оканчивалась не ранѣе трехъ часовъ по полудни; а въ четыре часа надобно было идти къ вечернѣ. Отъ этого продолжительнаго стоянія отекали ноги и открывались у нѣкоторыхъ раны, требовавшія продолжительнаго леченія. На первой и на послѣдней недѣлѣ великаго поста учениковъ высшаго отдѣленія пріобщалъ св. Таинъ всегда самъ Преосвященный Пгнатій, взыскательный къ другимъ, а еще болѣе строгій къ себѣ иногда до крайности по своей ревности о благѣ Православной Церкви. Въ Петрозаводскѣ, до открытія Олонецкой епархіи, раскольники пользовались совершенною свободою. Ихъ моленная стояла на краю города у солдатской слободы и посѣщалась желающими невозбранно. Съ пріѣздомъ Пгнатія эта свобода была отнята. Желая побороть ихъ слѣпое ожесточеніе и распускаемыя клеветы, Преосвященный Пгнатій ввелъ въ соборѣ строжайшее соблюденіе церковнаго устава при Богослуженіи. И надобно отдать ему справедливость: любо было слушать внятное чтеніе, стройное пѣніе и видѣть благоговѣйное предстояніе священно-служителей въ соборѣ. Священники не переступали съ ноги на ногу, діаконы не глазили по сторонамъ; причетники не бѣгали по церкви; всѣ были на своихъ мѣстахъ съ должнымъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ. Желавшій помолиться Господу Богу находилъ здѣсь надлежащее удовлетвореніе этой своей потребности. Пріѣзжавшій изъ С.-Петербурга генералъ по дѣламъ рекрутскаго набора и для обозрѣнія мѣстнаго пушечнаго завода во всю бытность свою въ Петрозаводскѣ не пропустилъ ни одной литургіи, совершаемой Пгнатіемъ, и, окончивъ свои дѣла въ половинѣ недѣли, остался въ Петрозаводскѣ до слѣдовавшаго воскресенья, чтобы еще разъ насладиться стройнымъ и благоговѣйнымъ Богослуженіемъ, производившимъ на присутствовавшихъ всегда самое глубокое впечатлѣніе. Отъ этого мѣстные раскольники пріимаяли и не находили, что говорить въ укоръ Православной Церкви. Вообще надобно сказать, что Преосвященный Пгнатій искренно заботился о благѣ Церкви; всѣми мѣрами старался изъ насъ приготовить надежныхъ для нея служителей, строго слѣдилъ за семинаріей; изъ окна своего дома наблюдать, когда наставники приходятъ въ классъ и выходятъ, несправности ставилъ на видъ ректору, а ине ректору дасть однажды предостереженіе, что какой-то воспитанникъ далеко ушелъ на заводскую сторону, не пользовавшуюся доброй славой (что и случилось только однажды); словомъ онъ видѣлъ все и зналъ всѣхъ, но

не изъ преобладанія, а по влеченіямъ благопопечительности. Онъ искренно любилъ воспитанниковъ своей семинаріи и руководить ихъ на первыхъ порахъ при опредѣленіи на мѣста; радовался ихъ успѣхамъ и не стыдился сознанія въ своихъ ошибкахъ касательно нѣкоторыхъ. Такъ, возвратись, помнится, въ 1834 году изъ своего путешествія по епархіи, онъ пришелъ къ намъ въ высшее отдѣленіе и откровенно сказалъ, что Иванъ Предтеченскій (изъ перваго курса, начавшій свое образованіе въ С.-Петербургской семинаріи), коему за его развязанность я долго не рѣшался дать священническое мѣсто, оказался наилучшимъ священникомъ*. Поэтому владыка заклиналъ насъ нелицемѣрно возлюбить Церковь и со всею искренностію служить Христу. „Что мнѣ въ вашихъ успѣхахъ,—такъ заключилъ рѣчь свою владыка,—что мнѣ въ вашихъ познаніяхъ и въ вашемъ писанномъ благоповеденіи здѣсь въ семинаріи, когда изъ васъ на мѣстахъ служенія выйдутъ лицемеры и крохоборы неблагоправные?“. При этомъ владыка указалъ на одного священника изъ нашихъ предшественниковъ, который въ семинаріи пользовался славой отличнаго скромника, а на службѣ оказался человѣкомъ неблагоустроеннаго поведенія.

На святки уѣзжали домой очень немногіе изъ воспитанниковъ семинаріи, такъ какъ экзаменъ кончался вечеромъ 23 декабря. За то на ваканцію тѣмъ разбѣжались почти всѣ. Путь нашъ въ дома родителей тогда облегчало Онежское озеро, по коему въ соймахъ быстро переносились мы на противоположный берегъ за сто и болѣе верстъ. Но оно же иногда и задерживало наше возвращеніе въ семинарію. Такъ, помнится, въ 1832 году оно продержало насъ на противоположномъ берегу около недѣли. Потомъ удалось намъ переѣхать верстъ 25 до пустыннаго острова Васькова. Переночевавъ на немъ, мы пустились далѣе при боковомъ вѣтрѣ, среди страшнаго волненія. Но тутъ уже въ виду большаго острова, на коемъ стоитъ Клименскій монастырь, внезапно перемѣнился вѣтеръ, порвалъ парусъ и чуть не опрокинулъ нашей соймы. Насъ понесло назадъ. Волна сорвала руль съ петель и только безстрашная отвага лопмана спасла насъ отъ неминуемой гибели. Онъ заставилъ держать себя за ноги; наклонился за корму и, не смотря на обладавшія его волны, успѣлъ поставить руль на мѣсто. Страшныя волны окружали насъ и нерѣдко попадали въ нашу сойму. Насъ несло по произволу вѣтра... и только съ крайними усиліями удалось намъ попасть на прежній пустынный островъ. Здѣсь на разстояніи двухъ сажень отъ берега въ углубленіи нашли мы живого сига, заброшеннаго волнами. На этомъ островѣ, стонавшемъ отъ ярости волнъ,

прожили мы больше недѣли; питались такъ называемою, заварой, т. е. ржаной мукой, разваренной въ видѣ киселя; вмѣсто соли служилъ намъ деревенскій тварожный сыръ. Дошло до того, что со многими, особенно со слабонервными изъ насъ, начался галлюцинаціи. Отъ не-
удержимой дремоты закрывались у насъ глаза; но тотчасъ и начина-
лись грезы. Слабонервные вскакивали съ крикомъ и рассказывали о
своихъ страшныхъ видѣніяхъ. Когда буря нѣсколько поутихла, тогда
мы поѣхали обратно на берегъ. Но и тутъ вѣтеръ внезапно пере-
мѣнился и заставилъ насъ возвратиться на тотъ же Васыковъ островъ,
къ коему какъ будто приковала насъ судьба. Но на утро подулъ лег-
кій вѣтеръ; мы благополучно прибыли въ Клименцы, гдѣ покормили
насъ, нѣдавшихъ хлѣба около полудторыхъ недѣль, и затѣмъ скоро
явились на берегу Петрозаводска среди товарищей, считавшихъ насъ
уже погибшими.

Въ заключеніе слѣдовало бы сказать о вліяніи мѣстной семинар-
ской бібліотеки на наше образованіе. Но что сказать? Коммисія ду-
ховныхъ училищъ предложила всѣя семинарскимъ правленіямъ подѣ-
литься своими учеными сокровищами со вновь открываемою Олонек-
кою семинарією. Отовсюду и посылали, что самимъ не надобно.
Штатную сумму по сей статьѣ пришлось употребить на устройство
шкафовъ для высланныхъ сочиненій. Такимъ образомъ семинарская
бібліотека оказывала самое ничтожное вліяніе на наше умственное
развитіе. Только благодаря добротѣ наставниковъ семинаріи мы мо-
гли читать кое-что приобретаемое ими на ихъ ограниченныя средства.
Наставники относились къ намъ благосклонно и мы любили и почи-
тали ихъ искренно. Не было тогда ни одного случая, ни одного по-
вода къ жалобамъ наставниковъ на учениковъ. У насъ былъ миръ.
Внизу у насъ было тихо; только на верху по временамъ поднимались
бури, отъ коихъ да охранить Господь Олонецкую семинарію впредь.
Да даруетъ ей Господь послѣ пятидесятилѣтняго юношества столѣт-
нее мужество и тысящелѣтнюю недряхлѣющую сѣдину мудрой ста-
рости!! Этого искренно желаетъ ей бывшій въ 1829—1835 г. ея воспитанникъ,
преподаватель Вологодской духовной семинаріи стат. сов.

Алексій Херіозерскій.

Примѣчаніе. Воспоминанія сии изложены на скорую руку, среди
другихъ занятій, въ концѣ августа 1879 года не по письменнымъ за-
пискамъ, а по памяти. Оттого въ нихъ нѣтъ точнаго обозначенія вре-
мени воспоминаемыхъ происшествій. Можетъ быть вкрались и другія
неточности и погрѣшности ненамѣренныя. Да проститъ мнѣ оныя и
исправитъ помнящій сии обстоятельства лучше меня и знающій объ
оныхъ по письменнымъ памятникамъ.

Стат. сов. *А. Херіозерскій.*